

Потеря связи — потеря управления

К вопросу об экономических и политических итогах 2023 года

Максимцев И. А.¹, Межевич Н. М.², *, Хлутков А. Д.³

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Политические и экономические итоги 2023 года — это дальнейшее нарастание неопределенности и многовариантности мирового развития. Вместе с тем в 2023 г. стала очевидной невозможность возврата в «дивный старый мир». Препятствием для этого стали не Россия и не Китай, а вся объективно сложившаяся совокупность международных отношений, в том числе в экономической сфере. Авторы сознательно не затрагивают проблематику СВО, так как исходят из того, что это не причина, а следствие накопленных противоречий глобального масштаба.

Ключевые слова: мировая политика, глобальная экономика, глобализация, регионализация, Европейский союз, ООН, евразийская интеграция, качество управления

Для цитирования: Максимцев И. А., Межевич Н. М., Хлутков А. Д. Потеря связи — потеря управления. К вопросу об экономических и политических итогах 2023 года // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 46–52.

Loss of Communication — Loss of Control. On the Issue of Economic and Political Results of 2023

Igor A. Maksimtsev¹, Nikolay M. Mezhevich², *, Andrey D. Khlutkov³

¹Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The political and economic results of 2023 are a further increase in the uncertainty and multivariability of world development. At the same time, in 2023, the impossibility of returning to the “brave old world” became obvious. The obstacle to this was not Russia or China, but the entire objectively established set of international relations, including in the economic sphere. The authors deliberately do not touch upon the problems of SVO, as they proceed from the fact that this is not the reason, but the result of accumulated contradictions of a global scale.

Keywords: world policy, global economy, globalization, regionalization, European Union, UN, Eurasian integration, quality of governance

For citing: Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Khlutkov A. D. Loss of Communication — Loss of Control. On the Issue of Economic and Political Results of 2023 // Administrative consulting. 2021. N 1. P. 46–52.

Современные проблемы глобального развития представляют собой крайне сложную и запутанную совокупность явлений и процессов. Необходима теоретическая позиция, которая позволит как-то упорядочить научный анализ. Подход Архимеда представляется единственным возможным: «Дайте мне точку опоры, и я переверну

Землю». С нашей точки зрения, классическая дискуссия на тему что первично, экономика или политика, не дает правильного ответа. В современном мире главное — это вопрос эффективности управления. Именно проблемы глобального управления привели к той ситуации, при которой все говорят, но мало кто слышит. Мировая экономика и мировая политика больше не управляются в классических режимах, bipolarном и монополярном, но и переход к не менее известному многополярному режиму оказался связан с многими сложностями. Первая сложность — неуправляемая эволюция глобализации.

Глобализация действительно создавала дополнительные возможности для экономического роста. «Растущие риски геоэкономической фрагментации затрудняют принятие мер по преодолению общих проблем, что требует решительных шагов по восстановлению доверия. Глобальные “дивиденды мира” сокращаются, а вместе с ними и имеющиеся ресурсы для поддержки уязвимых слоев населения. Протекционизм растет, препятствуя мировой торговле и сводя на нет с трудом достигнутые плоды интеграции»¹. Результатом экономической составляющей глобализации стал не только выигрыш США.

Процессы глобализации подтвердили действие классических экономических законов. К примеру, в условиях открытой экономики выигрыш получают те страны, которые могут обеспечить выигрыш в тех или иных издержках, стоимости рабочей силы, стоимости ресурсов (в том числе электроэнергии) и технологиях. Однако уникальных технологий в мире все меньше. Технологические разрывы середины XX в. больше не повторяются. Стоимость рабочей силы в полуусловном мире БРИКС существенно ниже. Аналогично по всем видам сырья и электроэнергии. Объективно Россия также выиграла от глобализации, хотя количественно и качественно меньше, чем КНР. Считается, что КНР еще в 2014 г. обогнала США по ключевому показателю — ВВП по паритету покупательной способности — и претендует на роль мирового технологического лидера. Активно развивались Индия, Вьетнам, Индонезия. Возросли экономические (как, впрочем, и политические) возможности Ирана. Россия, как и другие страны Азии, объективно заинтересована в сохранении практик глобализации, но именно поэтому США и их союзники работают против любых евразийских интеграционных форматов, таких как китайский «Один пояс — один путь» и др.

Следующая проблема — качество систем управления. Система ООН — проверенный и эффективный инструмент Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Универсальных инструментов глобального управления не было и нет. Та или иная модель управления обладает временной эффективностью. Однако формально и институционально система ООН пережила период своей максимальной эффективности. Возникает вопрос: почему система организаций и институтов ООН продолжает существовать? Дело в том, что никакой альтернативы для нее не существует. США ведут работу по размыванию основ международного права, в том числе международного экономического права, но окончательная ликвидация системы ООН не нужна никому, в том числе и США. Используя свои возможности, США могли бы парализовать работу ООН полностью, но этого не произошло. Экспертная дискуссия в США предполагает и такой сценарий развития ситуации в мире, при которой США будут заинтересованы в использовании этой системы институтов.

Новые институты управления, гибкие модели типа БРИКС и ШОС, не могут быть полноценной альтернативой управляемым структурам эпохи холодной войны. Новые институты пока функционируют как дополняющие, вспомогательные, в этом

¹ Годовой отчет МВФ 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2023/>

их сила, но в этом же и слабость. Перспективы БРИКС весьма обнадеживающие, но основой для новой системы международных отношений она не станет. Более вероятно то, что после сложного периода глобальной неопределенности начнется реформирование системы ООН.

Рассмотрим ключевые проблемы организации, чьи амбиции стали одной из причин текущего глобального кризиса. Разумеется, речь может пойти о НАТО, но ответственность Европейского союза представляется не меньшей. Конечно, возникает вопрос, на каком основании невоенная организация может вызвать глобальный кризис, или, по крайней мере, стать одной из причин этого кризиса?

Краткий ответ очевиден — головокружение от успехов. Причем успехи в прошлом, а головокружение в настоящем. Проект ЕС (Европейского общества угля и стали) был прекрасной объединительной идеей. Вспомним, по классике, термин «интеграция» предполагает следующее содержание — получение целого из каких-либо частей¹. Однако экономическое определение этого термина не всегда совпадает с политической целесообразностью. В экономической науке очень долго доминировало представление о том, что интеграция «развивается на базе интернационализации всей общественной жизни, ускоряемой научно-техническим прогрессом, возрастания взаимозависимости народов и государств»². Сегодня это как минимум спорно. Интеграция «запускается» не только глобализацией, содержание которой в 2024 г. не ясно, но очевидным стремлением к регионализации, т. е. интеграция в рамках регионализации на фоне экономического кризиса.

В ООН оценили рост глобальной экономики в 2024 г. на уровне 2,4%, что на 0,3% ниже, чем в 2023 г. (2,7%). Об этом заявил директор отдела экономического анализа и политики департамента по экономическим и социальным вопросам ООН Шантану Мукерджи. «Наш доклад выявил, что глобальный рост в 2023 г. составит 2,7%. Но наш прогноз на 2024 понижен до 2,4%». При этом в Минэкономразвития РФ улучшили прогноз роста ВВП в 2023 г. с 2,8% на 3,5%³. Всемирный банк обновил оценку ВВП стран мира на конец 2022 г. По оценкам организации, Россия оказалась в пятерке самых крупных экономик мира после Китая, США, Индии, Японии. При этом Германия расположилась непосредственно после России.

Уже к октябрю 2023 г. МВФ начал давать исключительно негативные прогнозы роста мировой экономики. Разумеется, после начала очередного кризиса на Ближнем и Среднем Востоке эти прогнозы не улучшились.

Возвращаясь к проблематике ЕС, отметим, что эта организация теоретически еще имеет возможности расширения. При этом любое расширение ЕС будет способствовать ослаблению этой организации, причем как в экономическом, политическом, так и, самое главное, управлеченческом качестве. Сразу отметим, что по крайней мере с экономической и управлеченческой точек зрения включение в ЕС балканских или постсоветских государств приведет эту структуру к краху быстрее, чем без принятия соответствующих решений.

Сомнения в успехе ЕС нарастали медленно, но неуклонно [6]. Проблемы экономической интеграции в начале третьего десятилетия XXI в. стали одной из наиболее обсуждаемых тем как в Европе, так и на постсоветском пространстве. В Европе в начале 1990-х гг. — 2004 г. был осуществлен переход к новому качеству интеграции, кроме того, в 1995–2004 гг. произошло удвоение количественного состава крупнейшего интеграционного объединения.

¹ Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

² Политология: Энциклопедический словарь // общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 122.

³ В ООН ожидают снижения глобального экономического роста [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240104/ekonomika-1919744130.html>

При этом «принудительное регулирование общественной жизни посредством всеобщих карантинов, разгоны массовых антиправительственных демонстраций, регламентирование бытовой жизни в целях энергосбережения после отказа от импорта российских энергоресурсов, навязывание единой и весьма причудливой ультралиберальной ценностной картины мира — все это выглядит как реванш истеблишмента, желающего сбить демократическую волну в рамках интеграции, проявлением которой стал провал голосования по Конституции ЕС» [7, с. 17]. В результате проблемы европейской интеграции сегодня очевидны.

Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. Рассматривая вопрос о причинах данного явления, следует отметить, что перед нами не кризис европейской идеи, перед нами развертывается кризис конкретной практики ее реализации в экономической сфере. Что же касается европейской идеи, то она может базироваться только на европейском суверенитете, американский для этого непригоден.

Более 20 лет назад авторитетный российский международник С. Рогов писал: «К сожалению, Россия оказалась в изоляции от интеграционных процессов, охвативших европейский континент. Развернувшееся после окончания холодной войны строительство “общеверопейского дома” идет без участия России» [4, с. 270]. На данном этапе отстраненность от текущей модели «евростроительства» можно рассматривать скорее как достижение, а не как проблему. Но для того, чтобы понять это, потребовалось немало времени¹.

Рассматривая экономическое содержание кризиса ЕС, отметим, что «существуют несколько причин кризиса зоны евро. Первая — отказ стран — членов зоны единой валюты от монетарного инструмента воздействия на рынок, но сохранение свободы действий в определении фискальной политики, в стоимости рабочей силы и в социальной политике... Вторая проблема — отсутствие сближения стран — участниц зоны евро в сфере конкурентоспособности, производительности и стоимости труда, недостаточная синхронизация их экономических циклов» [5, с. 5]. Подчеркнем: это было написано восемь лет назад.

Конкурентные преимущества ЕС постепенно утрачиваются, при этом в политической сфере происходят изменения негативного характера. Прежде всего речь идет о потере качества управления и нарастании популизма. Эта тенденция общественного и политического развития современной Европы могла бы быть не столь критичной в период поступательного развития экономики, но в условиях кризиса все работает как боеприпас с бинарным зарядом.

«Популизм — это не плохо и не хорошо; это лишь одно из (неизбежных) явлений, происходящих в политическом поле» [3, с. 30]. Да, это неизбежное явление, но его влияние на судьбы мира становится опасным. Президент Аргентины с бензопилой — это символ управленческого бессилия, с одной стороны, и правого популизма — с другой. Важно отметить то, что популизм захватывает страны, казалось бы, далекие от этого явления. Совсем недавно ведущие исследователи характеризовали Германию как страну, далекую от популизма. «В отличие от любой другой большой страны Европы — Франции, Италии, Испании или Британии, — граждане Германии по-прежнему демонстрируют равнодушные к популизму любого рода, правому или левому, успокаивая своих соседей удивительным зрелищем политической ответственности» [1, с. 263]. В 2023 г. на фоне экототалитаризма «зеленых» и роста авторитета «Альтернативы для Германии» этот прогноз может вызвать только улыбку. При этом никаких реальных оснований для улыбки нет. Элиты Европы вступили в стадию деградации, характерную для Западной Римской империи эпохи ликвидации (уже не упадка, а именно ликвидации). Иными словами, в Боль-

¹ См. подробнее: [9].

шой Европе приближается 410 год н.э., разумеется, в нашем случае точной даты не будет, точнее, ее придумают позже.

О евразийской интеграции. Следующий блок вопросов касается оценки экономической интеграции в Евразийском экономическом союзе и Союзном государстве за прошедший год. Оценивая москоцентрическую интеграцию, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью сопоставить общие условия для экономической интеграции в Евразийском союзе и в мире в целом. 2023 г. стал периодом преобладания дезинтеграционных процессов. Масштаб дезинтеграционных процессов, их географический охват позволяют нам говорить о дезинтеграции как тенденции мирового развития.

Предполагаем возражения скептиков, желающих указать на процессы европейской интеграции. С точки зрения авторов, в данном случае дезинтеграционные процессы преобладают, причем и внутри Европейского союза, и по периметру внешних связей Европейского союза. Имеющие место в Европе процессы продвижения в военно-политической интеграции не меняют наших оценок, так как, во-первых, носят принудительный характер, а во-вторых, затрагивают не всю интеграцию, а ее весьма специфический сектор. При этом Европейский союз, в силу предшествующих этапов своего развития, действительно продолжает обозначать себя интеграционным центром, не обладая экономическим, политическим и программно-идеологическим потенциалом для выполнения данной функции. Отдельно обозначим ситуацию, в рамках которой Европейский союз оказывается объектом чужих интеграционных устремлений. Разумеется, речь идет о Соединенных Штатах Америки.

Необходимо отметить изначальную сложность задачи развития интеграционных процессов после масштабного дезинтеграционного падения девяностых годов. На эту тему сказано очень много, и возвращаться к ней мы не будем. Сейчас важнее охарактеризовать экономические и политические условия для евразийской интеграции в контексте ситуации вокруг России. Уникальный масштаб санкций в отношении России фактически распространен и на соседние государства, участвующие в процессах евразийской интеграции де-юре или де-факто, как, например, Монголия. Это создает сложнейшие, но абсолютно искусственные по характеру внешние вызовы для евразийской интеграции.

Разумеется, возможность усиления санкционных режимов, просуществовавших для СССР практически весь XX век, предполагалась. Тем не менее масштаб этих санкций оказался действительно беспрецедентным. Просчитать общий масштаб и характер вторичных и третичных санкций не представляется возможным ввиду их неправового характера. На некоторые государства оказывается прямое воздействие военного, экономического и политического характера. В этих условиях ограничения для экономической интеграции из обычных стандартных и в общем-то известных слагаемых становятся уникальными и непредсказуемыми.

В заключение отметим следующие принципиально важные перспективы евразийской интеграции:

1. Глобальная дезинтеграция не означает сепаратизацию на уровне отдельных государств. Вероятно, следует говорить о регионализации, реструктуризации мировой экономики по территориальным и отраслевым блокам.
2. Особое внимание следует уделить трансрегиональной интеграции ЕАЭС. Речь идет об интеграции с такими форматами, как БРИКС. Эти вопросы одинаково плохо проработаны и в теории, и на практике.
3. Евразийская интеграция проходит сложный этап развития. Ее переформатирование в новых условиях, вероятнее всего, приведет к выпадению слабых и искусственных звеньев. С другой стороны, объединение, доказавшее свою силу, становится более эффективным и привлекательным для внешних акторов.

Признавая и подчеркивая многовариантность будущего, мы не можем отказаться от ограничивающего воздействия тех объективных закономерностей, которые регулируют сценарии будущего.

Каждое поколение склонно считать систему вызовов, пришедшихся на его век, уникальной. Это понятно и объяснимо, но создает риски повторения критических ситуаций. В самом деле, если текущая ситуация «уникальна и неповторима», то зачем делать выводы из нее? С нашей точки зрения, текущая ситуация в мировой политике и мировой экономике обладает определенной спецификой, но называть ее уникальной нет никаких оснований. «Сегодня мир переживает сложный переход к новому порядку как входящих в него регионов, так и функциональных подразделений. И в этом нет ничего необычного. С тех пор как пять столетий назад все части планеты вступили в глобальную коммуникацию, таких эволюций было немало» [8, с. 36].

Вместе с тем возникает вопрос о движущих силах сформировавшихся фундаментальных противоречий. По мнению И. Н. Тимофеева, «Идеологически Россия и Запад стали друг для друга принципиальными соперниками. Каких-либо компромиссных решений их противоречий не просматривается»¹. Согласимся с тем, что оснований для стратегического компромисса нет. Но вот является ли этот кризис идеологическим? С нашей точки зрения, нет. Явное идеологическое противостояние действительно заняло большую часть XX в. Но сегодня его нет. Классический либерализм переживает кризис всюду, от Гренландии до Новой Зеландии, но и ортодоксального марксизма практически не осталось. Российскую и китайскую экономику называют смешанной не только наши сторонники, но и наши противники. Россия и Китай выступили в постковидное время как триггеры тех изменений, которые созрели уже достаточно давно, но реализовались именно в 2022–2023 гг. [2].

Сегодня нет ни одной экономической теории, которая могла бы легализовать масштаб политического вмешательства в объективную логику экономических процессов. При этом нет и экономико-математической модели, которая могла бы дать оценки указанным процессам. Все это предполагает, что, не имея адекватной базы для построения экономического и политического прогноза, мы должны сосредоточиться на повышении эффективности управления, которая и является залогом готовности к любым вызовам как отраслевого, так и географического характера.

Литература

1. Андерсон П. Перипетии гегемонии / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. В. Софронова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018.
2. Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А. Выбор без выбора: Россия как триггер смены мирового порядка // Управленческое консультирование. 2022. № 3. С. 10–16. DOI 10.22394/1726-1139-2022-3-10-16.
3. Осколков П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. Существует ли популизм? Переосмысляя «политологическую моду» // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4 (120). С. 18–37. DOI 10.31249/ape/2023.04.02.
4. Рогов С. М. Изоляция от интеграции // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002 : Хрестоматия: В 4 т. М. : РОССПЭН, 2002. Т. 1. С. 269–280.
5. Романова Т. А. Кризисы Европейского Союза и его будущее // Валдайские записки. 2016. № 54. Р. 2–15.
6. Сапир Ж. Is Eurozone accumulating an historic lag toward Asia in the COVID-19 context? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 1 (49). С. 192–203. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-49-1-8.

¹ Тимофеев И. Н. 2023 год: стабилизация после взрывы [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/2023-god-stabilizatsiya-posle-vstryaski/>

7. Стратегия Европейского Союза в условиях глобальной перестройки: автономия или эвтаназия? / Е.А. Сергеев, В.В. Воротников. М. : Издательство «МГИМО-Университет», 2023.
8. Фриман Ч. Мировые порядки: глобальный калейдоскоп в режиме повтора // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 5. С. 36–55. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-36-55.
9. Хлутков А.Д., Межевич Н.М. Европейский выбор российской цивилизации: императивы 2023 года // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 27–33. DOI 10.22394/1726-1139-2023-6-27-33.

Об авторах:

Максимцев Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; rector@unecon.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН, исполнительный директор Ассоциации внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; khlutkov-ad@ranepa.ru

References

1. Anderson P. Hegemony Peripeteias / translation from English. D. Kralechkin; under scientific. ed. V. Sofronov. M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2018. (in Rus).
2. Mezhevich N. M., Khlutkov A. D., Shamakhov V. A. Choice without choice: Russia as a trigger for a change in world order // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2022. N 3. P. 10–16. DOI 10.22394/1726-1139-2022-3-10-16 (in Rus).
3. Oskolkov P. V., Tavdoy-Burmuli A. I. Is there populism? Rethinking “political science fashion” // Current problems in Europe [Aktual'nye problemy Evropy]. 2023. N 4 (120). P. 18–37. DOI 10.31249/ape/2023.04.02. (in Rus).
4. Rogov S. M. Isolation from integration // Foreign policy and security of modern Russia, 1991–2002: Textbook: In 4 vols. M.: ROSSPEN, 2002. Vol. 1. P. 269–280. (in Rus).
5. Romanova T. A. Crises of the European Union and its future // Valdai Notes [Valdaiskie zapiski]. 2016. N 54. P. 2–15. (in Rus).
6. Sapir J. Is Eurozone accumulating an historic lag toward Asia in the COVID-19 context? // Journal of the New Economic Association [Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii]. 2021. N 1 (49). P. 192–203. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-49-1-8. (in Rus).
7. Strategy of the European Union in a global restructuring: autonomy or euthanasia? / E. A. Sergeev, V. V. Vorotnikov. M.: Publishing house “MGIMO-University”, 2023. (in Rus).
8. Freeman C. World orders: global kaleidoscope in repeat mode // Russia in global politics [Rossiya v global'noi politike]. 2023. Vol. 21, N 5. P. 36–55. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-36-55. (in Rus).
9. Khlutkov A. D., Mezhevich N. M. European choice of Russian civilization: imperatives of 2023 // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 6. P. 27–33. DOI 10.22394/1726-1139-2023-6-27-33. (in Rus).

About the authors:

Igor A. Maksimtsev, Rector of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; rector@unecon.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS, Executive Director of the Association for Foreign Policy Studies named after A. A. Gromyko (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru